

МАРИЯ ШЕНДЕЛЬ

ТЫ ТАКАЯ КРАСИВАЯ,
КОГДА ЖИВАЯ

КНИГА 2

18+

Мария Шендель

**Ты такая красивая,
когда живая. Книга 2**

«Автор»

2026

Шендель М.

Ты такая красивая, когда живая. Книга 2 / М. Шендель —
«Автор», 2026

«Я люблю тебя, — сказал он. — Но я — твоя смерть». Он был ловеласом, игроком и красавцем, похороненным заживо за грехи своей молодости. Она — современной девушкой, сбегаящей от реальности в заброшенные дома и странные походы. Их встреча была случайностью: он — лишь голос в ее голове, она — его единственный шанс на свободу. Но никто не ожидал, что это закончится настоящей любовью. Петр научил Викторию смеяться, быть собой и не бояться одиночества. Виктория дала ему то, чего он был лишен столетиями — тепло и принятие. Но их близость имеет цену: его бессмертие медленно убивает ее, превращая в такое же гниющее существо. Теперь им предстоит сделать невозможный выбор: жить, но отдельно, или умереть вместе. Вторая книга — это история о границах, которые мы переступаем ради любви, и о том, что даже самое прекрасное чувство может стать проклятием.

© Шендель М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
Глава 1. Охота на болотного красавчика	6
Глава 2. Маленькое и тихое пространство	8
Часть II	10
Глава 1. Эвакуация имени Мистера Краба	10
Глава 2. Сломанная голова	12
Часть III	13
Глава 1. Чистилище для одного	13
Глава 2. Ослепленный светом	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мария Шендель

Ты такая красивая, когда живая. Книга 2

Предисловие

«Если вы слышите голос в своей голове — не спешите к психиатру. Возможно, это просто дворянин XIX века, который ищет способ умереть окончательно».

«Я, Петр Великолепный, покоритель женских сердец, бессмертный червь и профессиональный неудачник, наконец-то понял, что значит быть по-настоящему живым. Это значит — мучительно хотеть того, что никогда не сможешь удержать.

Эта книга — не про то, как я обрел тело. Это про то, как я почти потерял разум, пока пытался стать человеком, и про то, что иногда чудо — это просто вовремя остановиться. Но мы не умели останавливаться, и это нас погубило, или спасло? Я до сих пор не знаю.

Читайте, если хотите услышать правду от того, кто умирал сто раз, и каждый раз возвращался не туда, куда следовало».

Часть I

Глава 1. Охота на болотного красавчика

Астраханская губерния, конец XIX века

Свобода! Какое же это сладкое слово! Я вдыхал лесной воздух полной грудью, наслаждаясь каждым мгновением своей новой жизни. Никакой бабули, никакого погребца, никаких крысиных диет. Только я, луна и бескрайние просторы для охоты.

Первые дни прошли просто великолепно. Я питался, чем попало: лягушками, змеями, падалью, которую находил в лесу. Однажды даже наткнулся на мертвого кабана. Какое же это было пиршество! Я объелся так, что еле двигался, и мне пришлось отлеживаться в кустах целые сутки, переваривая — это гастрономическое великолепие.

Но, как говорится, все хорошее когда-нибудь заканчивается. Моя уникальная вонь, которая отпугивала диких животных, начала привлекать совершенно других существ — двуногих, с ружьями и злобными намерениями.

Я почувствовал их раньше, чем увидел. Запах пота, табака, дешевого самогона и... ненависти. Этот коктейль бил в нос сильнее моего собственного амбре. Я затаился в густых зарослях папоротника, стараясь слиться с землей. Мое тощее, черное от грязи тело было почти неразличимо в ночном мраке.

— Здесь он где-то, — раздался грубый мужской голос. — Чуешь эту вонь? Прямо как от моей покойной тещи, когда она сдохла и пролежала в доме три дня, пока мы ее не нашли.

— Заткнись, Степан, — ответил другой голос, более низкий и злобный. — Не отвлекайся. Тварь хитрая, может учуять нас раньше, чем мы его.

Я медленно, сантиметр за сантиметром, пополз вглубь леса. Но земля подо мной предательски хрустела. Мои движения, хоть и были медленными, но издавали звуки, которые в ночной тишине казались мне оглушительными.

— Слышь, Кузьма, — снова заговорил Степан, — а может, это просто медведь облезлый?

— Медведь не станет жрать собак в селе и коров в стойлах, — рявкнул Кузьма. — Медведь боится людей. А эта тварь — нет. А вообще, этот барин-зараза, всех баб в округе сифилисом наградил.

— Вот-вот, а я слышал, он еще и жену свою в монастырь отправил, потому что она его... ну, ты понял... не захотела.

— Бабы — дуры! — Кузьма сплюнул. — Моя Матрена тоже от него этой дрянью заразилась. Теперь вся в язвах, как дохлая лошадь, и я с ней даже спать не могу. Стыдно перед людьми. А ведь она у меня красавица была, первый сорт!

В его голосе прозвучала такая боль и ярость, что мне стало почти страшно, но только почти. Умный и хитрый красавчик, как я, никогда не показывает страха.

— Так чего мы его ловим? — спросил третий голос. — Может, просто пристрелим и дело с концом?

— Нельзя, Михей, — сказал Кузьма. — Бабка Варвара предупредила, что от пуля он не сохнет окончательно. Говорит, что его уже один раз Леший из смерти вытащил, теперь он почти бессмертный. Гниет, но живет.

«Ах, бабуля! — подумал я с теплотой. — Все еще заботишься о своем любимом внуке, не хочешь, чтобы меня убили. Какая же ты у меня добрая!

— И что ж нам с ним делать? — спросил Степан.

— Закопать, — просто ответил Кузьма. — С особым обрядом. Бабка Варвара знает как. Она же ведьма опытная, а мы ей поможем!

Я замер. Они меня выследили? А бабуля помогает им? Но зачем? Она же меня любит! Разве может быть такое, чтобы собственная спасительница предала своего единственного внука?

Тут я вспомнил ее глаза, когда она стреляла в меня из ружья. В них не было любви, только злоба и ненависть. Как будто я был не ее родственником, а каким-то мерзким насекомым, которое нужно раздавить.

«Что ж, — решил я, — если война, то война. Я Петр Великолепный, покоритель женских сердец, не сдамся без боя. Я перехитрю их всех!»

Мое тело медленно, но уверенно ползло в сторону болота. Там, в трясине, я был у себя дома. Моя вонь смешивалась с болотными испарениями, делая меня практически невидимым для человеческого носа. Мне было известно в этих местах каждую кочку, каждую тропинку, которую уже давно никто не топтал.

Но мои преследователи оказались хитрее. Они шли за мной по следам, оставленным моим пропавшим трупным духом телом. Где-то в кустах мелькнул огонек — они зажгли факелы. Теперь я был как на ладони.

— Вижу его! — заорал Степан. — Вон там, у болота!

Я встал и ускорился, насколько мог. Мои ноги вязли в жидкой грязи, я падал, вставал, снова падал, но не сдавался.

— Не подходите близко! — крикнул Кузьма. — Он может быть опасен! Бабка говорила, что он кусается и может передать свою заразу!

«Кусается? — возмутился я про себя. — Как низко вы обо мне думаете! Я дворянин! Я никогда не опускался до того, чтобы кусать людей! Разве что тех, кто был особенно вкусным...»

Они окружили меня. Трое мужиков с ружьями и факелами, и за их спинами я увидел еще несколько человек. Целая толпа селян пришла на мою охоту. Лестно, черт возьми! Никогда не думал, что буду так популярен.

— Петр! — раздался голос, от которого у меня все внутри сжалось. — Внучок мой любимый, вернись домой!

Из-за спин мужиков вышла бабуля. На ней был тот же длинный темный плащ, что и когда она меня кормила жабами. В руках держала старую книгу в кожаном переплете. Я ее никогда раньше не видел.

«Она настоящая ведьма! — понял я. — Баба Варя меня давно уже не любит!»

— Бабуля! — попытался промычать я в ответ, но из моего рта вырвался только жалобный вой, больше похожий на предсмертный крик раненой собаки.

— Не рычи на меня, паршивец! — прикрикнула она. — Ты думал, я не знала, что ты роешь подкоп? Ты думал, я не видела, как ты чавкаешь крысами в погребке? Все я слышала, все знала, и ждала, когда ты себя покажешь.

— А чего ждала-то? — спросил Кузьма.

— А того, что он сам вылезет и сбежит. Не могла я своего единственного внука замочить, пока в нем осталась хоть капля человечности, — сказала бабуля, и в ее голосе звучала ледяная решимость. — Видите часовню? За ней — кладбище, место силы. Там, в самом центре, есть свободная могила. Надгробие для нее, я уже приготовила, готовилась с самого начала изменений в Петруше. Мне было ясно с самого начала, чем все закончится.

Я попытался рвануть в сторону, но земля под ногами предательски ушла вниз, и я упал, увязнув по пояс в трясине. Мужики набросили на меня веревку и, как тушу дикого вепря, потащили к твердой земле.

— Не дергайся, Петруша, — ласково сказала бабуля, подходя ко мне. — Все будет хорошо. Я тебя успокою навсегда. Похороню рядом с папкой и мамкой!

Она поднесла к моему лицу какую-то тряпку, пропитанную резким запахом. Я попытался задержать дыхание, но она ловко зажала мне нос и рот, и через мгновение я потерял сознание.

Глава 2. Маленькое и тихое пространство

Очнулся я уже на кладбище. Лежал на деревянных носилках, связанный по рукам и ногам. Вокруг горели факелы, в свете которых я видел десятки лиц. Мужики, бабы, дети — вся деревня собралась посмотреть на мою казнь. Некоторые крестились, другие плевали в мою сторону.

В центре кладбища зияла свежая яма. Глубокая, широкая, с отвесными краями. Рядом стоял большой деревянный гроб, сколоченный наспех.

— Ну что, соседи мои, — сказал Кузьма, — время пришло. Бабка Варвара сказала, что, если его закопать со всем обрядом, он уже не вылезет. А обряд этот нехитрый.

— И в чем он заключается? — спросил Степан, опасливо поглядывая на мою бабулю.

— Сейчас покажу, — она открыла свою книгу и начала читать что-то на непонятном языке. Голос ее, то повышался, то понижался, и в воздухе запахло паленой травой и серой.

Потом она подошла к яме, встала на колени и высыпала вниз горсть какой-то черной земли.

— Это земля с могилы самоубийцы, — пояснила она. — Чтобы душа не могла найти покой и не знала, куда идти.

Затем она вылила в яму кувшин с чем-то красным и густым.

— Кровь черного петуха, зарезанного в полночь на перекрестке дорог, чтобы он потерял путь обратно.

Мужики смотрели на это с открытыми ртами. Некоторые бабы начали креститься еще усерднее.

— А теперь самое важное, — бабуля достала мешочек, в котором что-то шелестело. — Споры мухоморов.

— Это-то зачем? — удивился Михай.

— Мухомор — гриб-проводник, — объяснила бабуля. — Он растет там, где есть граница между мирами. Если посеять его споры вокруг кладбища, он создаст кольцо. А кольцо — это защита и ловушка одновременно. Внутри него мертвые не могут выйти наружу, а живые в здравом уме — не хотят заходить — двойная преграда. И мой внучок, где бы он ни бродил после смерти, останется внутри этого круга навсегда.

— А если он все-таки вылезет? — спросил Степан.

— Не вылезет, — уверенно ответила Варвара Митрофановна. — Потому что больше никто не будет здесь делать новые захоронения, и посещать здешнее кладбище я запрещаю.

Мужики переглянулись.

— А если не сработает? — спросил Кузьма.

— Тогда я высосу из него всю его вонючую суть через этот перстень и сожгу, — зловеще улыбнулась бабуля. — И вы все станете свидетелями.

Меня бросили в гроб. В последний раз, когда я видел свет, надо мной склонилась бабуля. Она погладила меня по голове и прошептала:

— Прощай, Петруша. Ты был плохим внуком, но хорошим... опытом, и ты будешь жить вечно. Просто в очень маленьком и тихом пространстве.

Гроб захлопнули, и я услышал, как заколачивают крышку. Молоток бил размеренно, в такт с моим умирающим сердцем. Потом гроб опустили в яму. Земля посыпалась сверху, сначала с легким шуршанием, потом все громче и глуше.

Я лежал в полной темноте, запертый в деревянном мешке, и думал о том, как же я облажался, как я мог довериться бабуле, которая и не любила меня вовсе.

А потом услышал сверху ее голос. Она читала заклинание, и с каждым ее словом земля вокруг моего гроба становилась тяжелее. Я чувствовал, как меня придавливает к днищу, как стены сжимаются, как воздух становится плотнее.

«Ну и хрен с вами, — подумал я в последний момент перед тем, как сознание начало угасать. — Я Петр Великолепный, и я не сдамся, найду способ выбраться. Пусть это будет даже через сто лет».

Словно в ответ на мои мысли, я услышал сверху то, что меня окончательно добило.

Голос бабули прозвучал громко и отчетливо:

— А теперь, чтобы он точно не выбрался, я запечатаю его рот. Своей слюной.

И она плюнула в мою могилу.

Вот так я оказался в небытие, не нужный, презренный, забытый, потерявший силу, но вместе с верой в себя...

Часть II

Глава 1. Эвакуация имени Мистера Краба

Наши дни...

Антон нашел Викторию у ручья. Она лежала на животе, лицом частично в воде, и это было настолько нелепо, что он сначала подумал, будто она просто решила устроить конкурс «Кто глубже засунет голову в родник». Но когда Виктория не пошевелилась и не выдала привычной колкости, Антон занервничал.

— Вика! — он перевернул ее на спину. — Ты чего, сдурела?!

Она молчала, глаза полуприкрыты, лицо бледное, с губ свисала какая-то зеленая водоросль вместе со слюной, и выглядела эта водоросль так, будто пыталась вылезти наружу и сдаться в плен.

Антон схватил ее в охапку, ругаясь сквозь зубы, и потащил обратно к больнице. Это было тяжело, потому что Виктория — девушка пусть и стройная, но не то чтобы воздушная. Он влетел в главный зал бывшей приемной, с размаху положил тело на старую койку и крикнул:

— Вставайте, крабы! У нас ЧП!

Феогнида появилась первой. Она была без косынки, с растрепанными волосами и с половником в руках — видимо, готовила свой грибной завтрак и не успела выдохнуть.

— Это что еще за клоунское представление? — рявкнула она, глядя на бесчувственную Викторию. — Я же ее отправила к ручью, чтобы она привела себя в порядок... Там же обычный родник!

— А бывает не обычный родник? — спросила Света.

— Для того, кто не в теме — обычный, — Феогнида поджала губы. — Для того, кто уже нажрался мухоморов — он может петь!

В этот момент подросла вся остальная команда крабов. Евгений — все еще с красными глазами и алой полосой на щеке — бросился к койке и начал трясти Викторию за плечи с такой силой, что та чуть не слетела на пол.

— Вика, очнись! Ты чего? Это я, Женя! Мы вчера вискарь дули, помнишь? Ты меня крабом обзывала!

— Она тебя каждый день крабом обзывает, — съязвил Александр, наклоняясь над Викторией. — Хотя Главкраб все же я! Но, похоже, сегодня утром крабовую зарядку делать не будем. Холодной воды бы ей или пощечин, как в старых фильмах!

— Давайте я, — вызвалась Тамара, и не дожидаясь ответа от других, отвесила Виктории звонкую пощечину. Это не помогло! Тогда она отвесила вторую, с другой стороны. Виктория не шевельнулась, только водоросль с губы отлетела.

— Ты Вику сейчас убьешь, — заметил Кирилл, потирая затылок. — У нее и так голова после вчерашнего, а ты ее добиваешь, как бешеную корову.

— А я что? Я ж помочь хотела! — обиделась Тамара.

Максим стоял в стороне и смотрел на все это с нездоровым интересом. Он жевал мухомор, и на его лице читалась глубокая философская печаль.

— Она не спит, — наконец сказал он. — Она виииидиит. Вика там, с крабами, они ее зовут.

— Какими еще крабами?! — вскричала Анна, хватаясь за сердце. — Господи, Максим, ты вообще что несешь?! Опять что ли красненьких нажрался?

— Грибы, — ответил Максим и показал на Викторию пальцем. — Она вчера поела их, поэтому ушла в дзен. Ее лучше не трогать, пусть просто проспится.

Наступила звенящая тишина. Даже дрова в печи перестали трещать.

Феогнида вдруг резко развернулась и хлопнула половником по столу с такой силой, что старые доски жалобно скрипнули.

— Все! — объявила она. — Мы немедленно уходим! Я собираю свои грибы, а вы собираете свои задницы — и мы валим отсюда, пока не поздно!

— Поздно? Для чего поздно? — спросил Александр, уставший и злой. — Ты нам что-то не договариваешь, Феогнида! Мы только пришли! А тут — бац — и уходим! Из-за того, что Вика нажралась грибов?

— Она не только нажралась мухоморов, — рявкнула Феогнида, сверкая глазами. — Они с Женей ходили туда, куда запрещено. Это место... оно живое! Оно не любит, когда копаются в его тайнах! А твоя подруга сейчас — как приглашение! Понимаешь?

Евгений побледнел, насколько это было возможно при красной полосе на щеке, и схватил Викторию за руку.

— Я согласен с ней, — сказал он севшим голосом. — Мы уходим сейчас. Я ее понесу сам. Мне плевать, хотите вы этого или нет, — он обвел всех взглядом, — но Вику я отсюда вытащу, хоть через болото, хоть через все это дерьмо.

— Ты просто хочешь сбежать, — фыркнула Тамара. — Вечно у вас, мужиков, один рефлекс — при первой опасности деру давать!

— А ты хочешь остаться одна здесь, чтобы тебя съели грибы? — огрызнулся Антон. — Если Феогнида уйдет без нас сейчас, то мы самостоятельно не вернемся обратно позже.

— ЗАТКНИСЬ! — заорала Тамара и швырнула в Антона подушкой.

Подушка, к счастью, была старой и набитой не перышками, а трухой, и поэтому просто рассыпалась в воздухе, как конфетти на неудачной свадьбе.

— Хватит! — рявкнул Александр. — Я главный, я решаю! Мы уходим, но не потому, что я боюсь, — он гордо выпрямился и ударил себя в грудь, как заправский вождь, — а потому что тактически вернее! Мы перегруппируемся, изучим информацию, и, возможно, вернемся!

— Вы никогда не вернетесь, — сказала Феогнида с ледяной усмешкой. — Ты даже не знаешь, куда смотреть, когда боишься. Ты смотришь в пол, а надо смотреть вверх, но не все это умеют, поэтому — собирайтесь!

Света, которая до этого молчала, как партизан, подошла к Кириллу и дернула его за рукав.

— Кир, я тоже хочу домой. Мне здесь не нравится. Тут пахнет не просто грибами, а как в морге, но с привкусом компота.

— На компот не похоже, — хмыкнул Кирилл. — Скорее на рассол, но согласен с тобой. Я даже свои сосиски до конца не доел, но ради жизни готов пожертвовать.

— Вы сосиски вообще не брали! — возмутилась Анна.

— Ну, значит, не доел то, чего не брал! — пожал плечами Кирилл.

Анна вздохнула, перекрестилась на пустой угол и сказала:

— Господи, прости нас всех грешных, но я тоже собираюсь. Только не потому, что я слабая, а потому, что в этом месте даже иконы — и те против нас.

— Какие иконы? — удивился Антон.

— Те, что разбиты на полу, по углам валяются, — она потупила взгляд. — Это знак, черный знак.

— Анна, ты читаешь знаки по разбитым иконам? — усмехнулся Максим. — А ты не думала, что это просто... разбитое стекло? Ведь здание то заброшенное.

— Я знаю, что вижу! — вспылила Анна.

— Хватит базарить! — крикнул Александр. — Собираемся! У нас час, после этого — выходим. Если кто-то не готов — остается тут, но я, как лидер, рекомендую не оставаться.

Глава 2. Сломанная голова

Все завертелись, как муравьи в разоренном муравейнике. Запихивали в рюкзаки гамаки, ложки, спички, какой-то нелепый зонт, который захватила Тамара. Евгений судорожно искал свои трусы с рисунком краба.

— Они были здесь, — сказал он растерянно. — Неужели вчера на кладбище потерял?..

— Да кому нужны твои крабовые трусы! — заорала Феогнида. — У тебя девушка в отключке, а ты думаешь про это?!

— Я думаю о вещах, которые нас связывают! — попытался оправдаться Евгений.

Сборы были нервными, громкими и бестолковыми. Но через сорок минут Александр решил, что час уже прошел, поэтому стоял у входа и подгонял банду крабов.

Евгений взвалил Викторию на спину, как мешок картошки. Она висела, перекинув руки через его плечи, и иногда издавала звуки, похожие на бульканье.

— Главное, чтобы она не наделала в штаны, — заметил Кирилл. — А то будет незабываемый поход.

— Заткнись, — прошипел Женья.

Феогнида шла впереди, сжимая в руке свой посох. Она вела их более длинной дорогой — не через то самое болото, где они прошли вчера, а через более сухой, но более темный путь. Лес здесь был выше, гуще, и ветви тянулись к ним, как руки нищих.

Они шли молча. Слышалось только тяжелое дыхание Евгения и периодические всхлипывания Тамары, которая боялась, что за ней придет какой-то «тот самый болотник».

— Я слышала, что они маскируются под пеньки, — шептала она Анне.

— Кто?

— Болотники! Они похожи на пеньки, а потом раз — и утаскивают!

— Тамара, — ответила Анна, — если ты боишься пеньков, то тебе вообще нельзя в лес, даже на дачу.

— А я не езжу на дачу! Я городская!

Сзади послышался слабый кашель. Все замерли. Евгений чуть не свалился, потому что Виктория на его спине вдруг дернулась.

— Она кашляет! — крикнул Антон. — Она живая!

— Я всегда была живая, — раздался слабый, сиплый голос. — Просто решила подремать, а ты меня понес.

— О, боже, она очнулась, — с облегчением сказал Женья. — Вика, ты дура! Ты нас всех перепугала! Ты что съела там?

— Не помню, — хрипло ответила она. — Но у меня голова раскалывается и ухо заложило. Не слышу ничего одним ухом.

— Я тебя тащу уже километра два! — возмутился Женья.

— Ну и молодец, тренируешься! Когда я сломаю ногу, ты меня понесешь еще дальше.

— Ты уже сломала голову, — заметил Максим. — Это почти то же самое.

Все рассмеялись — нервно, но искренне. Даже Феогнида, идущая впереди, едва заметно улыбнулась.

Лес постепенно редел. Впереди показалась та самая калитка отеля «Папоротник», и на душе у всех стало чуть легче, но Феогнида не оборачивалась. Она знала: Гнилой Лог не отпускает просто так.

Часть III

Глава 1. Чистилище для одного

Астраханская губерния, конец XIX века

Тьма. Она была везде. Она была внутри меня, снаружи, давила на глаза, которых я уже не чувствовал. Первое время я пытался считать удары своего сердца. Глупое занятие для того, у кого сердце билось раз в минуту, а то и реже.

Знаете, что самое ужасное в гробу? Это не темнота и не теснота, даже не запах собственного разложения, который стал настолько родным, что я перестал его замечать. Самое ужасное — это тишина. Абсолютная, глухая, звенящая тишина, в которой ты слышишь, как твои собственные мысли начинают сходиться с ума.

Сначала я злился. О, как я злился! Я, Петр Великолепный, покоритель женских сердец, любимец фортуны, должен был умереть в куче собственного разлагающегося тела, закопанный по приказу родной бабули, которая, как оказалось, была самой настоящей ведьмой! Я мысленно проклинал ее, проклинал тех мужиков, проклинал себя за то, что доверился старой карге.

Мне не верилось, что перстень отца — родовая реликвия, может как-то навредить моему гниющему телу, поэтому я надел кольцо на палец и время от времени поглаживал его, вспоминая все моменты моего счастливого детства.

Примерно на третий год злость прошла, или возможно это был пятый. Время в гробу — странная штука. Оно текло как патока, а иногда застывало настолько, что я мог поклясться: секунды растягиваются в вечность. Я начал разговаривать с собой.

— Петр, ты красавчик, — шептал я в темноту. — Ты самый обаятельный мертвяк в этом захолустье. Ты еще покажешь им!

— Заткнись, Петр, — отвечал я сам себе другим голосом. — Ты гниющий кусок мяса в деревянном ящике. Твоя бабушка тебя закопала и ты проиграл.

— Я не проиграл! А просто тактически перегруппировался!

Спорить с самим собой оказалось на удивление увлекательным занятием. Иногда я выигрывал, иногда проигрывал, но в любом случае это скрашивало бесконечное одиночество.

Примерно на десятый год я понял, что моя кожа начала отслаиваться от костей. Процесс шел медленно, но верно. Я чувствовал, как влага уходит из моего тела, как мышцы превращаются в желеобразную массу, как кости начинают выступать сквозь истлевающую плоть. И знаете что? Мне это даже нравилось. Наконец-то я худел без всяких диет! Если бы только моя бабуля видела, каким стройным и поджарым я стал, она бы точно мной гордилась.

— Эй, черви! — шептал я в темноту. — Вы когда уже придете? Я вам тут стейк приготовил, пальчики оближете!

Черви не приходили. Вокруг моего гроба была плотная, жирная глина. Я гнил, но не до конца. Я жил, но не совсем.

На двадцатый год гроб начал поддаваться. Дерево, которое когда-то казалось мне крепким и надежным, теперь превращалось в труху. Я мог шевелить пальцами, точнее, тем, что от них осталось. Я царапал стенки своего деревянного убежища, пытаясь расширить пространство. И знаете что? У меня получалось! Медленно, ооочень медленно, но я пробивал себе дорогу.

На пятидесятый год я уже мог сидеть. Ну как сидеть? Скорее, принимать вертикальное положение, опираясь на то, что когда-то было моей спиной. Мои позвонки хрустели, как старые половицы, но я был доволен. Мой ум строил великие планы.

— Когда я выберусь, — говорил мой разум сам себе голосом победителя, — я отомщу бабуле и сожру ее целиком со всеми заклинаниями и книгами.

— Она уже умерла, тупица, — отвечал я голосом реалиста. — Ей было под восемьдесят, когда тебя закопали.

— Тогда я сожру ее могилу! — не сдавался я. — Сожру всю эту деревню!

— Ты беззубый, — напоминал реалист. — У тебя осталось два зуба, и они шатаются.

— Значит выпью их кровь через соломинку! — кричал я, и мой смех, похожий на скрип ржавых петель, разносился по моей маленькой темнице.

На семидесятый год я понял, что окончательно схожу с ума, или уже сошел. Трудно сказать, когда ты лежишь в гробу семь десятилетий, в какой момент ты перестаешь быть нормальным. Я разговаривал с букашками, которых никогда не видел, и даже придумывал им имена. Я представлял, как мы выберемся вместе и завоюем мир.

— Слушай, Вася, — обращался я к воображаемому таракану, — ты будешь моим генералом. Мы захватим сначала Астрахань, потом Москву. Бабы упадут к нашим ногам!

Таракан молчал. Они вообще не разговаривают, особенно те, которых нет.

На восьмидесятый год началось самое страшное. Я совсем перестал чувствовать свое тело. Мои руки, ноги, все, что осталось от моего великолепного торса, превратились в нечто безразличное. Я больше не мог шевелиться. Будто существовало только сознание. Мысли, запертые в иссохшей оболочке, которая больше не принадлежала мне.

— Ну и что теперь? — спросил я у тишины. — Это все?

— А что ты хотел? — ответила тишина. — Бессмертие? Так ты его получил. Радуйся теперь!

— Это не бессмертие, — возразил я, — а издевательство.

— Это чистилище, — тихо произнесла тишина, и в ее интонации мне послышался голос моей бабули. — Ты думал, что я просто так оставлю тебя? Решил, что позволю тебе уйти легко? Нет, Петруша. Ты будешь вечно страдать, будешь помнить, осознавая каждую секунду своей проклятой вечности.

Я попытался закричать, но у меня не было рта и легких. Отсутствовал воздух, чтобы произнести звук. Я был мыслью. Одинокой, голодной, бесконечной мыслью в пустоте.

Годы шли. Уже стало невозможно их считать. Я был нигде и везде, помнил каждую женщину, которую когда-то любил, каждый поцелуй и прикосновение. Я помнил запах их духов, тепло их тел, звук их смеха, и от этих воспоминаний мне становилось невыносимо больно. Не физически — я уже не чувствовал тела. Боль была внутри. В том месте, где когда-то было мое сердце.

Но в этой боли была и своя странная красота. Я понял, что настоящая жизнь — не в женщинах, не в картах, не в алкоголе. Настоящая жизнь в том, чтобы чувствовать. Страдать. Помнить. Любить. Даже если тебя никто не любит в ответ.

На сотый год гроб окончательно рассыпался. Мои кости упали в сырую, холодную землю перемешанную с глиной. Вот именно тогда они пришли. Черви. Их было тысячи. Они заполнили все щели моего иссохшего тела, каждую дырочку в моих истлевших костях. В этот момент я понял, что мое сознание, моя душа, мое проклятое «я» перемещается в одного из них.

Это было странное ощущение. Я уменьшился, сжался. Мой мир стал крошечным, состоящим из влажной земли, темноты и удивительных запахов. Я больше не видел — у червей нет глаз. Я не слышал — у червей нет ушей. Но у меня получалось чувствовать: каждое движение почвы, каждую вибрацию, каждое изменение температуры.

— Ну и ну, — подумал я. — Это что-то новенькое.

Я пошевелился. Мое новое тело, длинное, гибкое, извивающееся, послушно двигалось в земле. Я вырыл себе путь вверх, к поверхности. Каждый сантиметр давался с трудом, но я был червем, и не просто червем, а бессмертным. Так я впервые за долгие годы ощутил свободу.

Глава 2. Ослепленный светом

Свет! Боже, какой свет! Я никогда не думал, что ослепительная белизна может быть такой прекрасной. Даже не видя ее, я чувствовал это каждой клеткой своего нового тела. Оказалось, что тепло, солнце и воздух можно так сильно ощущать телом.

Ох, как же в этот момент я жалел, что фактически просрал свою жизнь в теле человека. Если в простом червяке я мог чувствовать так много, радоваться простому, то как много может тело людское.

Я выполз из земли, и мир вокруг меня взорвался ароматами, которые я как-то ощущал кожей. Трава пахла жизнью, цветы — сладким нектаром, а ветер — свободой. Я лежал на поверхности, мое длинное розовое тело извивалось от счастья. Я был снаружи! После ста лет заточения наконец-то выбрался!

— Я сделал это! — закричало мое сознание. — Я свободен! Я выжил! Я, Петр Великолепный, снова победил!

— Ты не победил, — прошептал внутренний голос, голос сомнений. — А просто переродился в отвратительного червя, беззубого, слепого, еще и ползаешь в грязи.

— Зато я на свободе! И живой!

— Ты бессмертный червь, — уточнил голос. — Так будешь жить вечно, но никогда не станешь человеком.

— Никогда не говори «никогда», — усмехнулся я. — Я уже дважды выжил в ситуациях, где выжить было невозможно. Способ найдется!

Я гордо пополз. Не знаю куда, но я двигался. Каждое движение было наслаждением. Я вжимался в землю, чувствуя каждой клеткой влажную прохладу, затем поднимался на поверхность, ощущая тепло солнца. Я был маленьким, уязвимым, смешным созданием, но при этом бескрайне счастливым.

— Эй, ты! — крикнул я проходящей мимо птице. — Ты видела, какой я красавчик? Самый красивый червь на этом кладбище!

Птица, конечно, не ответила. Она просто схватила меня своим клювом и подняла в воздух. Я замер. Мир вокруг меня перевернулся. Я больше не чувствовал земли под телом, висел в пустоте, и меня несло в неизвестность.

— Остановись! — закричал я. — Отказываюсь быть твоим обедом!

Но птица, увы, не понимала человеческого языка. Она собиралась меня проглотить. Я чувствовал, как ее клюв сжимается все сильнее, как мое тело изгибается под давлением.

В этот момент произошло нечто неожиданное. Птица будто закашлялась. Она выпустила меня из клюва, и я упал на землю, снова ощутив под собой твердую почву. Я лежал, пытаюсь понять, что случилось.

— Фу, какая гадость! — послышался голос птицы. Вернее, я почувствовал ее эмоции. Мой новый червячий разум каким-то образом улавливал мысли окружающих. — Этот червь воняет! Какдохлая лошадь!

— Что за наглость! — возмутился я. — Я не воняю, а приятно пахну! Это мой фирменный аромат!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.